

СИР ЭДГЕР И ЕГО СОКОЛ

(Окончание)

Прошло несколько дней, и сир Эдгер по-прежнему оставался дорогим гостем у своего дяди. Однажды, с Элинором и собакою, неприметно отправился он к месту последнего торжества своего. Скоро потерял он из виду следы башни и, сняв клубочок с сокола, когда цапля из тростника полетела к берегу, начал осматривать окрестности. Красивый Элинор, быстро взвившись кверху, верным ударом поразил добычу и снова сел на Эдгерову руку. Между тем туман редел, и по мере того, как открывались прелестные горы, равнины и вдали кристальная поверхность озера, сир Эдгер приходил, так сказать, в самозабвение от представившейся ему беспредельной картины природы. Цапля лежала у ног его. Собака, сидя возле него, зоркими глазами смотрела на птиц, реявших по воздуху, а Элинор, замечая их около себя, поднимал резкий крик, махал пестрыми крылышками и вытягивал лоснящуюся шею. Сир Эдгер, исполненный сладостных мечтаний, не думал об ожидавшей его участи.

К. полудню приготовлен был обед в Аллертонском замке, но сир Джейльс один сел за стол под балдахином; ударил колокол к вечерни,— и сир Джейльс один преклонил у алтаря колена. Наконец поздно возвратилась

Эдгерова собака. На следующий день сделаны бы-и старательные поиски о сире Эдгере, но тщетно; нашли только прекрасного о сокола, сидевшего на берегу у плаща своего господина; что же случилось с самим Эдгером, было тайною. Напоследок все заключили, что, чрез меру увлеченный охотою, он утонул в озере.

В этой мысли, пораженный печалию сир Джейльс поставил у Аллертонского озера крест, внушавший странникам молитвы о упокоении души Эдгера, а четыре инок в белых ризах и с зажженными свечами в руках торжественно совершали по нем службу в Ривольском аббатстве.

Спустя несколько месяцев, раздался уныло-протяжный звук ривольского колокола, приведший в содрогание робких серн окрестного леса. Земледельцы оставили сельские работы, а старухи побросали веретена, торопясь взглянуть на шествие важных латников, герольдов¹ с парадными щитами и облеченных в белые одежды певчих, которые согласными голосами придавали еще большее великолепие похоронам скончавшегося сира Джейльса Фицаллертона. Всякий притом хотел отдать должную почесть его наследнику и новому своему владельцу Антонию, гордо выступавшему из замка, которого он столь долго домогался. С почтительною робостью приблизился к нему старый охотник, неся на руке драгоценнейший ему подарок, превосходного сокола; но Элинор, всегда очень смирный, устремился на Антония с чрезвычайным ожесточением. Никто не постигал тому причины, но тем не менее зрители бросали один на другого значительные взгляды, и после внезапного удаления их повелителя многие трепещущими устами творили молитвы: да падет небесное мщение на главу его.

С того времени Антоний Фицаллертон не входил более в Джейльсов замок; он запретил носить Элинора в своем присутствии, удалился от общества и редко выезжал куда. Между тем запустение более и более с каждым годом водворялось в старинном Аллертонском замке; трава проросла в обширной зале, где столь долго пение

137

минстрелей сливалось со смехом веселого владетеля и где теперь единственным обитателем был старый охотник. Прислушиваясь порою к унылому свисту бури в разбитые оконницы и раздававшемуся на твердых дикому завыванию филинов, он воображал, что слышит голос прежнего своего господина. Мрачны казались Фицаллертоновы башни, но еще мрачнее был тот, кому они принадлежали по праву: сир Эдгер, которому воздвигли памятник с молитвами об упокоении души его, был жив и влачил дни на чужбине. Пронзенный кинжалом брата-соперника, он долго лежал замертво, пока не был замечен мимо проходившими странниками. Не имея возможности остановиться и ждать его оживления, но и не решась вовсе покинуть несчастного, они взяли его с собою. По медленном выздоровлении, вдали от родины, узнал Эдгер о смерти своего дяди и о том, что имением его завладел Антоний. Сердце его стеснилось от сей вести; он отправился к ближайшей гавани и с богатством своим — смелым духом и надежным мечом — поплыл во Фландрию².

Прошло десять лет. Седой мох заволок надпись на кресте, поставленном у Аллертонского озера, и куст, осенявший бездыханное тело Эдгера, далеко

распространял свои ветви. В это время король Генрих, путешествуя на севере, посетил Аллертонские окрестности с великолепной своею свитою. Возвещена была соколиная охота, и солнце снова озарило прекрасное зрелище. Королевские спутники проходили мимо запустелого Аллертонского замка. Тогда старый охотник с Элинором на руке, также состарившимся, вышел к воротам. Сравнивая представлявшуюся ему картину с великолепием того утра, в которое пышный Аллертон назначен был в награду победителю, он погрузился в печальные думы, а Элинор, обращая вокруг себя внимательные взоры, встряхивал крапчатыми крыльями при разносившемся в воздухе резком свисте охотников и не забытом им звоне колокольчиков.

Генрих, всегда любивший охоту (счастливо протек бы век его, если б он предался только одним невинным забавам), поражен был необычайною красотою Элинора и подозвал к себе охотника. Гордясь сим неожиданным вниманием и еще более прелестною птицею, служившею к тому поводом, старик с веселым видом подошел к государю. Между тем знаменитые охотники достигли берегов чистого озера. Цапли были взогнаны; каждый лорд снимал клобучок с своего сокола. Король повелел распутать Элинора, дабы он мог показать всю свою ловкость, и старый охотник, после многих похвал отличной выноске сего сокола, спустил его с руки своей; но цапли гордо и небрежно продолжали кружиться в воздухе, ибо сокол с диким криком радости слетел к стоявшему в числе зрителей порядочно одетому человеку, который начал ласкать его. Все собрание с изумлением смотрело на эту странность. Наконец открылось, что законный владетель аллертонский среди бывших прежде его приближенных никем не был узнан, кроме верного

Элинора. Король дал знак, чтобы сир Эдгер к нему приблизился, потом с милостивым вниманием выслушал его приключения, как, после многих неудач, попал он в Англию, где, услышав о намерении монарха путешествовать неподалеку от Аллертона, решился следовать за его свитою, в надежде — не удастся ли объяснить ему при случае свои несчастья.

В старинном замке раздались веселые клики при вступлении давно потерянного сира Эдгера в Аллертонское поместье, и радость соседей была неописанна, когда достались ему обширные владения Антония,

138

не надолго пережившего изобличение его в злодействе. Скажем кратко, что сир Эдгер сделался богатым рыцарем, достопочтенный аббат Ривольский отправил к нему собственноручное, весьма благосклонное письмо за монастырскою печатью, с увещанием, чтобы он возблагодарил небо принесением достойного дара св. церкви; иноки же, в течение 10-ти лет поминавшие сира Эдгера, предложили ему увековечить это поминовение умножением вклада на монастырь их, и без того богатый. Но сир Эдгер, не вняв сим убеждениям, устроил богатую лечебницу и хорошее учебное заведение, которые свидетельствовали о признательности его к Провидению.

В небольшой церкви Аллертонского владения, обросшей плющом и почти разрушившейся, любителю древностей представляется ветхий памятник, изображающий старца в рыцарском одеянии с Библией в правой руке, а на левой с превосходным соколом, у коего

красивые колокольчики и золотая цепочка доказывают, что он был любимой птицею своего владельца.— Там гробница сира Эдгера Фицаллертона.

(Из “British wreath”, 1829.)

Пер. Ш.

139